

УДК 81' 42:821.161.08

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИНЦИПЫ, ПРЕМЫ И СРЕДСТВА ОТОБРАЖЕНИЯ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ АВТОРА

В. Н. Абашина

Львовский национальный университет имени Ивана Франко.

Реферат. *Новый подход к изучению специфики языкового сознания отдельного индивида был предложен В.В.Виноградовым и нашел свое всестороннее обоснование у Ю.Н.Караулова, актуализировавшего понятие «языковая личность». Специфические черты языковой личности проявляются уже в самом отборе языковых средств, в частности их употреблении. В языке в силу его эгоцентричности заложена способность отображать субъекта речи – языковую личность автора художественного текста. В последнее время для решения поставленных задач исследователи все чаще стали обращаться к когнитивной составляющей процесса осмысления языковых проявлений говорящей личности. Основанием для этого стало осознание того, что когнитивный подход базируется на невозможности отделения речи от мыслительных процессов, поскольку одной из важнейших функций языка является когнитивная функция. Демонстрируя различное отношение авторов к способу вербализации информации, художественные тексты дают материал для предметного анализа когнитивного стиля.*

Ключевые слова: *языковая личность, когнитивный стиль, художественный текст.*

Актуальность проводимого исследования усматривается в том, что современный этап развития науки о языке характеризуется сосредоточенностью ученого сообщества на проявлениях творческой индивидуальности писателя и поэта как во взглядах на мир, так и в особенностях отображения этого мира посредством художественного стиля. Результатом такого пристального внимания стала активная разработка специального направления, в задачи которого входит изучение идиолекта и идиостиля. Поворот к изучению индивидуальных особенностей личности, находящих проявление в языке и в речевом поведении индивида, возник в российской лингвистике в середине прошлого века. Как известно, новый подход к рассмотрению специфики языкового сознания отдельного индивида был предложен В. В. Виноградовым и нашел свое всестороннее обоснование у Ю. Н. Караулова, работы которого актуализировали в современном филологическом обиходе понятие «языковая личность» [1, с. 38]. Концептуальное ядро языковой личности – это, по мнению учёного, набор строящихся на базе общеязыковых значений индивидуальных (речевых) смыслов, которые могут выражаться самыми различными языковыми единицами – как лексическими, так и грамматическими [1, с. 39]. Специфические черты языковой личности проявляются уже в самом отборе языковых средств, в частности их употреблении. В языке в силу его эгоцентричности заложена способность отображать субъекта речи – языковую личность автора художественного текста. Как пишет Е. В. Падучева, «без ориентации на говорящего субъекта язык не обладал бы своей уникальной и удивительной способностью с помощью весьма ограниченных средств достаточно точно и однозначно описывать бесконечные в пространстве и во времени реальные и нереальные миры» [2, с. 405]. Изучение языковой личности поэта или писателя активно

развивается. Данное направление вызывает интерес еще и потому, что особенности психологического плана и ценностно-установочные критерии изучаемой личности создают «уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка»)[1, с. 120], поскольку художественный текст всегда проникается личностными качествами его автора.

В последнее время для продвижения к достижению цели исследователи все чаще стали обращаться к когнитивной составляющей процесса осмысления языковых проявлений говорящей личности. Основанием для этого стало понимание того, что когнитивный подход базируется на невозможности отделения речи от мыслительных процессов, поскольку одной из важнейших функций языка является когнитивная функция. И если на первых этапах развития когнитивного направления это были попытки пояснить природу основных когнитивных процессов и проанализировать универсальные мыслительные операции, с одной стороны, при овладении человека языком и, с другой, при его использовании, то со временем было осознано, что и категоризация всего человеческого опыта, закономерностей осмысления мира и своего места в нем связана с когнитивной деятельностью. Одним из важнейших результатов стала разработка идеи о взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти, с построением и пониманием языковых сообщений (текстов). Как пишет В. А. Маслов, «когнитивистская методика близка по духу деятельности лингвиста, когда то, интерпретируя текст, анализирует причины правильности и осмысленности предложений» [3, с. 8]. Это важное заключение уже присутствовало у Г. В. Колшанского, считавшего, что, с одной стороны, текст направлен на отражение событий денотативной сферы, с другой, воплощает в себе мыслительно-коммуникативную деятельность его автора [4, с. 34]. В процессе интерпретации текста у языковой личности происходит не только перераспределение языковых и текстовых знаний, но и взаимовлияние когнитивных структур, активизация которых позволяет тоньше и глубже интерпретировать текст, поскольку индивидуально-авторские способы переработки информации отражаются в способах ее предъявления в текстах. Присутствующий в каждом тексте когнитивный компонент его содержания отражает фрагмент картины мира в его преломлении в сознании автора, обладающего сложно организованной системой знаний, известной в когнитивных исследованиях под названием когнитивной системы, которая и дает, в конечном итоге, конкретное и точное видение многих фактов. Эта система знаний позволяет воспринимать любую информацию, в том числе и латентно представленную в художественном тексте.

Особое внимание к понятию когнитивных систем было привлечено в связи со становлением на российском научном пространстве когнитивной лингвистики. При этом нельзя не заметить, что в работах зарубежных авторов, рассматривающих язык как общий когнитивный механизм, регулирующий процессы овладения языковыми ресурсами и правилами пользования ими, в частности у Н. Хомского, данное понятие применялось давно и широко. Ученый в рамках неоднократно провозглашаемого им тезиса о невозможности объяснения когнитивных структур отдельно от языка последовательно признавал систему языка и ее часть грамматику специфическими когнитивными структурами. Так, характеризуя теорию обучения как систему механизмов и принципов, задействованных в процессе овладения языком, он семантизировал овладение языком как овладение специфической когнитивной структурой, которую называл грамматикой [5, с. 58—59].

Когнитивная система находит проявление в понятии когнитивного стиля, свойственного каждому человеку и демонстрирующего разное отношение автора к способам вербализации информации. В широком смысле когнитивный стиль определяется, в частности В. З. Демьянковым, как предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение языковой личности относительно целого ряда

ситуаций и содержательных областей. «Для выделения стиля существенно не то, достигается ли в результате цель, а то, как она достигается. Когнитивные стили связаны со структурными отношениями между мыслью и ощущением» [6, с. 27]. Феномен когнитивного стиля рассматривается также «как стиль репрезентирования, связываемый с типами личности.., стиль подачи и представления информации, особенностей ее расположения и структуризации в тексте/дискурсе, связанный со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов [7, с. 80]. Не менее важным и перспективным для дальнейших исследований рассматриваемого понятие является замечание Л. Г. Лузиной о взаимосвязи когнитивного стиля с эстетическим прочтением языковых произведений [7, с. 80].

Для того чтобы обнаружить особенности проявления когнитивного стиля, обратимся к тексту русского писателя В. В. Розанова, индивидуальная стилистика художественных текстов которого определялась как неподдающаяся однонаправленной квалификации уже с их первых публикаций. Так, А. Д. Синявского впечатляла «его удивительная стилистическая одаренность и стилистическая смелость» [8, с. 451], а П. К. Губер констатировал: «Прежде всего, это был замечательный стилист, утонченный мастер слова, едва ли не единственный писатель наших дней, у кого была своя собственная, ему одному присущая литературная манера» [9, с. 343]. Наиболее выразительно стиль В.В.Розанова как совокупность языковых форм, отражающих индивидуальное авторское мышление, разнообразные грани языковой личности представлен в двух коробах «Опавших листьев», которые общепризнанны уникальным опытом для русской философии.

Анализ языковых средств и приемов репрезентации авторского стиля в названном тексте был определен в качестве исследовательской цели. «Язык и слово для писателя – это та «материя», из которой, в конечном счете, формируется его индивидуальный стиль, манера изложения, где находит воплощение его неповторимый творческий метод» [10, с. 238—239]. Основные задачи состоят в том, чтобы, во-первых, определить, какие языковые средства могут стать показателями когнитивного стиля, во-вторых, выявить их функциональную нагрузку.

Тексты «Опавших листьев» писались не для читателей, а для самого себя, без предварительного замысла, без какого-либо специального задания – писались просто так и между прочим. И этот, казалось бы на первый взгляд, бесцельный процесс наиболее соответствует становлению и существованию пишущего человека – писателя. В самом названии, в словосочетании «опавшие листья» содержится мотив старости, осеннего увядания, смерти. Были листья и вот упали в виде бумажных листочков. Но, вместе с тем, «опавшие листья» – это не мертвые, не засохшие листья, а только что жившие и отчасти еще живые. То, что перестало быть живым в природе, облетело с деревьев, для В.В.Розанова – еще живая природа. И «опавшие листья» еще живут и играют всеми оттенками. В каждом листочке все еще содержатся соки и следы только что росшего и продолжающего расти дерева. Для писателя это не пройденный этап, не мертвый балласт, который отбрасывается, а сиюминутная жизнь, зафиксированная в каждом упавшем на землю листочке. Сам В. В. Розанов был глубоко потрясен своим открытием и до конца дней изумлялся и очаровывался тем, что у него получилось с «Опавшими листьями». Восхищался не столько философской содержательностью и высоким художественным качеством этого произведения, а именно необычностью его формы, его жанра, справедливо считая, что такого вообще не было в истории литературы. Это абсолютно новая форма не только прозы, но и мысли. А как мысли возникают, он тут же делится с читателем: *Больше всего приходит мыслей в конке. Конку трясет, меня трясет, мозг трясется, и из мозга вытрясаются мысли* [11, с. 366]. Объясняя творческую позицию писателя, И. В. Кондаков пишет: «Розанову неважно, серьезна

или комична его мысль, истинны или заведомо ложны его утверждения: он предоставляет свободу читателю – разобраться в том, что и как следует интерпретировать и оценивать» [12, с. 172]

По сути дела, В. В. Розанов пишет не словами, а оттенками слов, которые возникают в результате всевозможных пересечений смысловых и стилистических противоположностей. И свою мысль он формулирует не в виде готовых суждений, а в виде множества струек, ниточек мысли. Это, как любил повторять писатель, «паутинки мысли». В тексте «Опавших листьев» обращает на себя внимание многочисленные случаи использования кавычек, которые становятся одними из основных языковых показателей, одной стороны, оригинальной жанровой стилистики автора, с другой же, его работы с передаваемой информацией. По употреблению кавычек В. Розанов стоит на первом месте среди всех известных российских писателей. По таким, казалось бы на первый взгляд, второстепенным признакам, как знаки препинания, иногда удается выявить специфику индивидуального авторского стиля. Например, по некоторым наблюдениям, у Андрея Белого из знаков препинания непропорционально много места в тексте занимает двоеточие, у М. Цветаевой – тире, а у В. Розанова на первом плане оказываются кавычки. Кавычки выполняют в тексте коннотативную функцию. Это значит, что слово, высказывание, поставленные в кавычки, употребляются не в прямом смысле, а с каким-то дополнительным оттенком, создавая при этом дополнительную нагрузку на семантику всей конструкции. Можно сказать, что кавычками писатель создает логическое напряжение, акцентирует смысловое ядро всей текстовой структуры. Показателен фрагмент, в котором В. Розанов остро, едко, со свойственным только ему умением замечать самое главное в самом мелком и, на первый взгляд, незначительном, посредством кавычек показывает свое отношение к событию, получившему широкий резонанс в российском обществе: *Никакой трагедии в душе... Утонули мать и сын. Можно бы с ума сойти и забыть, где чернильница. Он только написал «трагическое письмо» к Прудону (Герцен). Прудон был все-таки для него «знатный иностранец». Как для всей несчастной России, которая без «иностранца» задыхается. «Слишком заволокло все Русью. Дайте прорезь в небе». – В самом деле, «тоска по иностранному» не есть ли продукт чрезмерного давления огромности земли своей, и даже цивилизации, «всею» – на маленькую душу каждого. – Тону, дай немца. Очень естественно. «Иностранец» есть протест наш, есть вздох наш, есть «свое лицо» в каждом, которое хочется сохранить в неизмеримой Руси. – Ради Бога – Бокля!! Поскорее!!! Это как «дайте нашатырю понюхать» в обмороке* [11, с. с. 47].

Именно с помощью кавычек В. Розанов создает свою разящую, оригинальную прозу, акцентируя ключевые слова, он вкладывает в их семантику добавочные коннотации, познать которые можно только при помощи контекста. Помимо того, кавычки почти непередаваемы интонационно и, следовательно, рассчитаны на чтение текста глазами, но не вслух. Интересно заметить, что в последнее время распространился кинетический способ передачи кавычек – известным жестом, что также является свидетельством непосредственного разговора с читателем. Кавычки у В. Розанова – признак рукописности его индивидуально-авторской прозы. Так же как, например, постоянные сокращения слов, авторский курсив, как это обычно делается в рукописях. Эти приемы В. В. Розанов переносит в свои печатные издания. Опавшие листья, лежащие на земле, они тоже разные: разных цветов и оттенков, одни совершенно целые, другие с дырочками, надорванные, лишённые черенка. Так и розановский текст визуально напоминает такой ворох опавших листьев. В частности, в «Опавших листьях» встречается многочисленные употребления прописной буквы «Б», обозначающие слово: «Бог», тогда как строчная буква «б» – «бабушка», а «м» – «мамочка» и т. д.

Автор часто прибегає к курсиву: *Как самые счастливые минуты в жизни мне припоминаются те, когда я видел (слышал) людей счастливыми. Стаха и Алекс.Пет.П-ва, рассказ «друга» о первой любви ее и замужестве (кульминационный пункт моей жизни). Из этого я заключаю, что я был рожден созерцателем, а не действователем.* Я пришел в мир, чтобы видеть, а не совершить* (с. 5-6); *Не литература, а литературность ужасна; литературность души, литературность жизни. То, что всякое переживание переливается в играющее, живое слово: но этим все и кончается – само переживание умерло, нет его* [11, с. с.8]; *Песни – оттуда же, откуда и цветы* [11, с. с.102]; *Души в вас нет, господи: и не выходит литература (за ужином; о печати)* [11, с. с.108].

В результате от печатного текста остается впечатление какой-то скорописи, небрежных и беглых заметок, рукописного черновика. Все это внешнее оформление работает на девиз книги: *«Почти на праве рукописи»*.

Видимая рукописность издания сообщает ему большую интимность. Книга пишется не для всех, а для кого-то одного: «для себя», как говорит В. Розанов, либо поставленного на место «себя» единственного друга. Таким «единственным другом» для Розанова была его жена. Но на месте «единственного друга» мысленно представляется и всякий иной читатель. Книга, отмеченная признаком рукописное, становится чем-то вроде частного письма, адресованного одному человеку. «Опавшие листья» это совсем не массовое чтение и даже в каком-то смысле не чтение вообще. Это интимная переписка с каким-то другом, с единственным лицом. В этом смысле рукописность стиля есть особый род литературной коммуникации и особый способ существования и бытования» книги. Книга существует как бы в единственном числе, и поэтому ее чтение принимает характер непосредственного разговора читателя с автором, с глазу на глаз. Кроме того, рукописный характер стиля говорит, что эти листочки только-только отделились от автора и мы чувствуем еще тепло его пальцев и биение его сердца. Это даже не книга, а часть человека. И это произведение не просто пишется или читается, оно переживается. С этой книгой, именно в силу ее уникальности и интимности, можно жить как с любимой вещью в доме, с которой связаны наши личные воспоминания.

Таким образом, розановские знаки кавычки и курсив в «Опавших листьях» выполняет функцию авторского знака и является семантическим ключом к тексту, подсказкой к пониманию его подтекста, часто глубоко скрытому, а также ассоциативным ядром, делающим текст семантически нагруженным и усложненным для восприятия. Такие языковые знаки обретают дополнительное, но весьма важное значение еще и потому, что в них отражен жизненный опыт языковой личности, являющийся основой познания окружающего мира.

Данное сообщение не исчерпывает всех богатых возможностей анализа в представленном направлении. Перспективой научного поиска может стать сопоставительное изучение когнитивных стилей различных авторов.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається актуальна і малодосліджена проблема сучасної лінгвістики – мовні репрезентації когнітивного стилю мовної особистості, що виявляються в художньому тексті.

Ключові слова: когнітивний стиль, мовна особистість, художній текст

SUMMARY

The article is devoted to the topical and insufficiently known problem of modern linguistics – speech representation of the cognitive style of linguistic personality in fiction texts.

Key words: cognitive style, linguistic personality, fiction text.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
2. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и видов в русском языке. Семантика нарратива [Текст] / Е. С. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
3. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : Учебное пособие [Текст] / В. А. Маслова. – Мн : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
4. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
5. Хомський, Н. Роздуми про мову [Текст] / Н. Хомський. – Львів : Ініціатива, 2000. – 352 с.
6. Демьянков, В. Г. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. Г. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17—33.
7. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1996. – 245 с.
8. Синявский, А. Д. С носовым платком в Царствие Небесное [Текст] / А. Д. Синявский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Книга II. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1995. – С. 444—478.
9. Губер, П. К. Силуэт Розанова [Текст] / П. К. Губер // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Книга II. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1995. – С. 347—350.
10. Мирзоян, С. В. Лингвистическая относительность в понимании И. Бродского [Текст] / С. В. Мирзоян // Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах / Под ред. Г. Н. Манаенко. — Вып. 3. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2005 – С. 237—244.
11. Розанов, В. В. Опавшие листья [Текст] / В. В. Розанов – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 383 с.
12. Кондаков, И. В. Розанов Василий Васильевич [Текст] / И. В. Кондаков // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2. – СПб. : Университетская книга, 1998. – С. 172—173.

Надійшла до редакції 11.09.2013 р.